

Марина СЕЕРОВА

САМЫЙ УСПЕШНЫЙ ПРОЕКТ ГОДА

---

*Ловкая
бестия*

ТЕЛОХРАНИТЕЛЬ

ЕВГЕНИЙ
ХОТНИКОВА

Телохрани́тель Евге́ния Охотникова

Марина Серова

Ловкая бестия

«Научная книга»

1998

Серова М. С.

Ловкая бестия / М. С. Серова — «Научная книга»,
1998 — (Телохранитель Евгения Охотникова)

Два покушения на убийство... И хотя глава акционерного общества, кандидат в облдуму Леонид Симбирцев остался жив, он понимает, что третьего покушения не избежать. Кроме того, крутой бизнесмен узнает, что существуют документы, которые могут его погубить. Кто за всем этим стоит?! Партнеры по бизнесу или конкуренты в выборной кампании? Ясно одно – эти документы надо добыть. Любой ценой... Женя Охотникова – личный телохранитель, а для всех референт босса – берется достать эти бумаги...

Содержание

ГЛАВА 1	5
ГЛАВА 2	16
Конец ознакомительного фрагмента.	23

Марина СЕРОВА

ЛОВКАЯ БЕСТИЯ

ГЛАВА 1

Тот парень, что стоял справа, сейчас проверял, на месте ли его нос. Он подносил руку к лицу и пробовал на ощупь – похоже ли ощущение прикосновения пальцев к его шнобелю на привычное.

Вряд ли он мог ответить себе на этот вопрос, так как костяшки его пальцев вздулись и были покрыты запекшейся кровью.

Про второго убудка я вообще молчу. А что тут можно сказать?

Сам виноват, не надо было нарываться. Теперь бы не пришлось корчиться под носком моего ботинка, безуспешно пытаясь высвободить свое левое ухо.

Пусть скажет спасибо, что дешево отделался, – в этот раз я не надела итальянские сапожки с железными нашлепками на подошве.

А если еще вспомнить про спецобувь, которую я использую крайне редко, – с особыми пазами для вставных ножевых лезвий и мини-шприцев с нервно-паралитическим снадобьем, предназначенным для усмирения таких вот придурков, – то этому рыжему пришлось бы куда хуже.

– Пусти, сука, ну пусти же! – хрипел он, извиваясь от боли.

– Да пожалуйста, – пожала я плечами и перевела носок своего ботинка с его уха на асфальт, – шагай себе на здоровье и впредь будь паинькой.

Но он не внял моему совету. Как я, впрочем, и предполагала.

А ведь все начиналось вполне невинно, и, видит Бог, не моя вина в том, что эти двое нарвались на такие неприятности.

Если говорить в двух словах, дело было так. Я мирно покупала фасоль на уличном лотке, никого не трогала, а эти парни проходили мимо.

Первый толкнул меня плечом, когда я вынимала мелочь, чтобы расплатиться.

Белые и желтые монетки веером разлетелись из моей ладони по окрестным лужицам, так что к ним даже подскочили голодные сизые голуби, думая, что добрая тетя вознамерилась покормить пташек хлебушком. Но птичкам не подфартило в этот раз.

Я чертыхнулась парню в спину и заворчала, что неплохо бы и извиниться, да и вообще...

Он, само собой, не среагировал, да я и не очень настаивала. Но когда его приятель, бредя следом, заехал мне локтем в бок и я просыпала всю купленную мной фасоль, мое терпение лопнуло.

Тем более что второй – им был рыжий парень лет девятнадцати – при этом усмехнулся и как ни в чем не бывало бросился догонять своего кореша.

Тут уж я не стерпела.

Во мне словно включился особенный механизм, давно не использованный, но отнюдь не вышедший из строя, который вживили в меня несколько лет назад во время учебы в подмосковном летнем лагере.

Я вовсе не бросилась с криком за ними следом. Наоборот, спокойно пошла обычным шагом, сливаясь с прохожими и стараясь держаться потока, который двигался возле стены, – мои обидчики шли по центру тротуара, и я заметила, что рыжий пару раз оглянулся.

Дождавшись, пока эта парочка пройдет на зеленый светофор, я притормозила на перекрестке. На всякий случай я сдернула с головы вязаную шапочку и, одним движением распустив волосы, осталась стоять, ожидая, пока закончится поток автомобилей.

Через два квартала я чуть ускорила шаг. Почти поравнявшись с ними на повороте, я прибавила скорость, двумя легкими прыжками подскочила к рыжему и, вывернув ему сзади руку, отбросила направо – в подворотню, что возле закрытой на ремонт парикмахерской.

Он не успел издать ни звука, а сворачивающие за угол прохожие ничего не заметили.

С размаху шарахнувшись спиной о стену, рыжий сначала вылупил на меня свои глупые глаза, а потом, хохотнув, проговорил:

– Ты че, мать, в больнице давно не лежала или тебе жить надоело?

Вопрос требовал не ответа, а действий. Я не стала качать права и требовать извинений – и так все ясно, зачем же время попусту терять?

Тем паче что второй придурок, заметив неожиданное отсутствие своего приятеля, уже завалился в наш тихий уголок и с угрожающим видом шел на меня, расправив свои широкие плечи.

– Витек, че этой старухе от нас надо, а? – якобы удивленно спросил рыжий.

Я не считаю, что двадцать восемь лет – это преклонный возраст, но «старуху» я пропустила мимо ушей и взяла быка за рога. Вернее, одного из этих двух козлов за ресницы и с силой дернула веко вверх.

Пока рыжий не очухался, моя левая рука зажала его кадык между указательным и большим пальцем. У меня было большое желание не ограничиваться таким мягким воздействием, а двинуть ему по адамову яблоку кромкой кисти так, чтобы он в последние минуты жизни смог понять, что у него разорвано дыхательное горло.

Но я все же сдержалась.

Некоторые молодые люди иногда поддаются обучению, и самые крайние меры должны применяться только после того, как будут использованы все прочие воспитательные приемы. И я решила, что сильно калечить не буду.

Так что я правильно поступила, лишь врезав ему краем ботинка по кости в самом подъеме ноги. Если и образуется небольшой перелом, то предплюсна быстро заживает, это всем известно.

На все про все ушло две секунды. К чести приятеля рыжего – жгучего брюнета с претензией на кудряшки, – он довольно быстро среагировал и бросился на помощь. Ну-ну, покажи, как ты это себе представляешь.

Но он не придумал ничего лучше, как обхватить меня сзади за руки.

На редкость глупое решение. Он прямо-таки провоцировал меня на то, чтобы я резко влепила ему своим затылком по носу.

Тогда наш кудрявый баранчик на мгновение ослабил хватку и, одурев от боли, зачем-то схватил меня за руку своей цепкой и влажной ладонью.

Рука – место довольно уязвимое, так уж мы устроены. И он не мог этого не знать. А если и не знал, то теперь запомнит надолго.

Я крепко обхватила левой рукой его запястье, зажав сухожилия между ногтями, и чуть потянула руку книзу – получился неплохой рычаг, – а правой загнула средний и указательный пальцы назад до упора.

То есть до хруста, свидетельствующего о том, что «противник выведен из строя», как говорилось у нас в подразделении.

Но парень был крепким. Боль иногда активизирует волю к борьбе, но, увы, не способствует быстрому и ясному мышлению. А абстрагироваться от собственной боли, чтобы четко уяснить ситуацию в какие-то доли секунды и принять правильное решение, его тоже явно не учили. И чему только учат нынешнюю молодежь?

Нехилых размеров кулак его правой руки прошелся в миллиметре от моего виска, и, чтобы окончательно прекратить эти бессмысленные движения, я схватила валявшийся под ногами кусок красного кирпича и крепко припечатала камушком его ладонь к стене.

Вот теперь все.

А на ухо рыжему я наступила, когда сделала шаг назад, поднимая брошенную сумку.

Тут уж была чистая случайность, за которую я в принципе могла бы и извиниться. Но не больно-то и хотелось, если по правде.

– Чтоб я вас больше не видела, – внятно проговорила я, обернувшись напоследок уже в арке подворотни. – В следующий раз убью.

Как оказалось позже, не убила. И, как теперь понимаю, зря.

Аккурат на другой день, когда я возвращалась домой из больницы, думая о том, что неплохо бы подкинуть тетке после перенесенной операции какого-нибудь легкого чтива, я обнаружила, что во дворе дома меня поджидают двое джентльменов бандитского вида.

Чтобы не было недоразумений, вкратце поясню – те, кто раньше ходил в трико, теперь запрыгнули в дорогие костюмчики. А рожи их никакой визажист не изменит, сколько ему ни плати.

Чуть поодаль стоял, опираясь на трость, рыжий, по бокам от него торчали еще двое явно шестерочного вида, как и сам инвалид.

– А у нас к тебе небольшой разговорчик имеется, – не представляясь, обратился ко мне господин в костюме салатного цвета с галстуком цвета «бешеный лимон». Под его белой рубашкой полукругом выпирала на шее неизбежная золотая цепура.

– Ну? – коротко спросила я, понимая, что бежать не стоит.

Тот обернулся и вопросительно посмотрел на рыжего. Инвалид дважды кивнул.

– Для начала уточним: мы не ошиблись? – на всякий случай спросил «салатный» господин. – Это действительно вы их так отделали?

– Не ошиблись, – заверила его я, не без удовольствия посмотрев на вчерашних обидчиков. Так старый рабочий удовлетворенно осматривает результаты своего труда в каком-нибудь советском кино.

Возражать в данной ситуации было глупо, притворяться – тоже.

– Хм, – чуть повел головой «салатный», – ребята нам, конечно, рассказали, что к чему. Не сразу, правда, рассказали... Да это и понятно. Как-никак ситуация не совсем обычная... Парням, конечно, обидно... Но, повторяю, они все рассказали.

Я покамест терпеливо ждала, стараясь угадать, к чему он клонит.

Вряд ли речь шла о мести за временную нетрудоспособность «мафии рядовых». На этот случай у меня тоже было кое-что при себе заготовлено, но я уже поняла, что гранату в ход пускать не придется.

– Охотникова Евгения Максимовна, тысяча девятьсот семидесятого года рождения, – полувопросительно-полуутвердительно произнес этот тип. – Я надеюсь, мы и тут не ошибаемся?

– Не ошибаетесь, – снова подтвердила я, понимая, что врать бесполезно.

Узнать у соседей мое имя и возраст не представлялось чем-то из ряда вон выходящим. А вот как они нашли меня за такой короткий срок?

Впрочем, две мои вчерашние жертвы могли видеть даже из глубины подворотни, как я сажусь в подошедший троллейбус. А ведь в этом направлении он идет только одну остановку до конечной.

А еще? Какие еще тут могли быть дела? На чем меня зацепили?

Ну да, конечно же! Как же это я сразу не догадалась! Кудрявый закапал мне кровью из своего шнобеля воротник блузки. Значит, они опросили водителя, который, очевидно, видел, пока кондуктор проверял билеты на конечной, как я вошла в этот двор.

Так что, Женечка, близость жилища к конечным остановкам общественного транспорта – это не только большое удобство, но подчас и фактор весьма опасный, запомни это себе на будущее.

Из краткого разговора пока что напрашивался один вывод – фирма серьезная. Плюс возникло четкое ощущение от нашей с «салатным» беседы, что речь не идет о принципе «око за око».

Но, в конце концов, я не обязана отвечать за низкий профессионализм его работников.

– Думаю, что вы еще не успели навести справки о моей биографии, – сказала я. – Если есть вопросы, могу ответить. Кажется, вы хотите предложить мне что-то вроде контракта?

– А у вас еще и мозги есть, – уважительно посмотрел на меня «салатный».

Наш разговор продолжился на территории приглашающей стороны.

Закрытое акционерное общество, которому принадлежал магазин «Налим», специализировалось на охотничьем и рыболовном снаряжении.

Да-да, помнится, тетушка Мила говорила мне, что бывший второй зам по культуре местного обкома скорефанился со спортивным фондом и теперь они дружно качают денежки под налоговые льготы, заодно приторговывая оружием – не только и не столько тульскими ружьями, само собой. Работают, короче, можно сказать, почти по профилю, что по нынешним временам редкость.

Мы сидели в круглой гостевой комнате служебного помещения и обсуждали детали моей будущей работы. Как я и предполагала, мне ее предложили.

– Нет-нет, не обычным охранником, как вы могли подумать, – тут же заторопился «салатный» (он все же представился и оказался Иваном Петровичем Сидорчуком). – Тут есть одна тонкость...

Тонкостей оказалось более чем достаточно. Но в принципе я склонялась к тому, чтобы принять предложение этой фирмы.

Пока мы беседовали, я решила сэкономить Сидорчуку немного времени и вкратце рассказала о себе. Скрывать мне было, в сущности, нечего, а они, если бы захотели, узнали бы все и так.

На Сидорчука мое краткое жизнеописание произвело определенное впечатление.

– Хм... Справки мы, конечно, наведем. Хотя вы излагаете довольно складно, и я не думаю, что вы что-то там присочинили. А что же вам в Москве не сиделось? – спросил он удивленно.

Я лишь пожала плечами.

– Проблемы...

Я не хотела объяснять причины, по которым ни в Москву, ни во Владивосток, откуда я родом, возвращаться я не собиралась.

Пришлось бы говорить слишком о многом, а к откровенности я как-то не расположена.

В эту минуту дверь распахнулась. Сидорчук, увидев человека, заглянувшего в комнату, тут же вскочил и громко отрапортовал:

– Леонид Борисович, через сорок минут мы у вас. Осталось только...

– Хорошо-хорошо, – нетерпеливо замахал тот пухлой ручкой и добавил, быстро посмотрев на часы: – Лучше через сорок пять.

И дверь снова захлопнулась. Сидорчук тотчас же бухнулся в кресло и, кивнув в направлении ушедшего Леонида Борисовича, произнес:

– А это, собственно, и есть ваша будущая работа. Наш босс...

– Вы что, хотите нанять меня в охрану к этому коротышке? – удивилась я. – У вас что, проблемы с качками? Недостаток «лиц, отслуживших в ВС»? Или всех уже перестреляли? Может быть, ваш босс настолько крутой, что текучка кадров охраны у него столь же высока, а срок службы – пока не убьют – столь же краток, что и у лейтенантов во время Великой Отечественной?

Сидорчук терпеливо выслушал мою язвительную тираду и проговорил:

– Не сотрясайте воздух понапрасну, милочка. С бодигардами у нас все в порядке, иначе бы я с вами сейчас не разговаривал.

– Тогда в чем же дело?

– Просто наша служба безопасности не так давно выработала особую схему двойной защиты, а ваша кандидатура всплыла сама собой, волей всемогущего случая, – пояснил Сидорчук. – Ваши навыки просто потрясли нас. Так профессионально отделать этих двух парней за считанные секунды – это круто, ничего не скажешь.

«Профессионально... – усмехнулась я про себя, – да это детские игрушки по сравнению с Берни. Вот тогда, двадцать лет назад, это был настоящий профессионализм. А все, что было потом, – только опыт...»

Я внезапно поймала себя на том странном, неуловимом и чудном детском ощущении, с которого все, собственно, и началось.

* * *

Тогда, вьюжной зимой семьдесят восьмого года, в заснеженном Владивостоке я, восьмилетняя Женя Охотникова, сидела дома и изнывала от скуки.

Ветрянки, если кто не знает, это такая болезнь, которая донимает тебя от силы два-три дня. А еще две недели ты просто ждешь, пока пройдут все эти язвочки, которые утром и вечером смазывают зеленкой.

И вот от нечего делать я придумала потрясающую игру. Мои родители были на работе – папа заседал в своем военном штабе, мама принимала больных в клинике, так что партнером для игры стал огромный сенбернар, чье имя отчасти совпадало с его породой – Берни.

Как известно, сенбернары, несмотря на зверскую внешность и большие размеры, собаки, в общем-то, довольно мирные и неагрессивные.

Берни позволял мне все – совсем маленькая я каталась на нем, намертво вцепившись рукой в холку, дергала его за хвост и – страшно сказать – даже пыталась играть с ним в зубного врача.

Помнится, я раскрывала ему пасть и пыталась гвоздиком имитировать бормашину. Берни, когда уже не мог терпеть, аккуратно выглаткивал мою руку из своей пасти, стараясь не поцарапать меня зубами.

Так вот, в тот зимний день я принялась играть в охоту на львов. Берни, само собой, был злобным львом, а я – смелым охотником.

Моя основная задача была довольно сложной: бесшумно подкрасться к Берни и выстрелить из игрушечного ружья прямо ему в ухо.

Человек, имевший дело с собаками – если эти собаки не находятся в последней степени издыхания, – знает, что эти животные умудряются слышать – или чувствовать? – то, что нам, людям, не дано.

Но стоило мне сделать всего один-единственный осторожный шаг по направлению к Берни, как пес сразу же поворачивал голову и внимательно смотрел на меня своими красноватыми глазами.

– Ну Берни же, – просила я его, – ты не должен поворачиваться, это такая игра...

Но Берни был неумолим.

С пятой неудачной попытки я поняла, что слишком громко дышу. С седьмой – что отнюдь не следует пытаться ходить на носках, так как тело сильно напрягается и можно потерять координацию – проще ставить всю ступню сразу, но как можно тише.

Теперь Берни уже поворачивал голову после третьего моего шага.

На следующем этапе я применяла отвлекающие маневры. Например, устраивала шуршание в гостиной, а сама через прилегающую к ней спальню быстро пробегала по коридору и кралась к Берни со спины.

Мне приходилось каждый раз менять звуковое оформление (гром кастрюли, бой часов, звон посуды), так, чтобы Берни, выставив вперед ухо, вслушивался, отвлекаясь от того, что происходит у него сзади. А сзади была я, и после получаса тренировок до Берни оставалось всего два шага.

Но пес все равно оборачивался ко мне. Результат в тот раз так и не был достигнут.

На следующий день я догадалась скинуть тапочки и кралась к Берни босиком. Но теперь ноги прилипали к полу и издавали звук тихого чавканья.

Наконец дело решили шерстяные носки (синтетические были отвергнуты после первой же попытки). Я подошла к Берни на сантиметр и, поднеся к его уху игрушечное ружье, тихо произнесла:

– Пафф!

Берни встрепенулся и, грустно посмотрев на меня, вильнул хвостом...

* * *

– Так что, госпожа Охотникова, речь идет не о простом телохранителе, – продолжал между тем свои объяснения Сидорчук. – Нам нужен суперсотрудник, который неотлучно будет находиться при боссе.

– Значит, меня будут принимать за секретутку, – констатировала я.

– Вот именно, – кивнул ослабевший Сидорчук. – Такая длинноногая красавица, которая всегда под боком с блокнотом под мышкой. Пусть думают что хотят, в ваши обязанности не входит оказание интимных услуг. Разве что на добровольной основе.

Я вспомнила пухлую ручку Леонида Борисыча и вяло пожала плечами.

– Вот как? А между прочим, многие в нашем городе о таком даже и мечтать не могут, – среагировал на мой жест Сидорчук.

– Я вообще не мечтаю, – огрызнулась я, – не мой профиль.

– Это к делу не относится, – сказал Иван Петрович, – давайте обсудим детали.

Обсуждение заняло полчаса.

В мои обязанности входило: присутствовать в непосредственной близости от Леонида Борисовича Симбирцева с семи утра до двадцати вечера, оберегать его персону и хранить тайну о роде моей деятельности.

За эту работу мне обещали платить тысячу долларов в неделю.

– Так вы согласны?

«В принципе, почему бы и нет? – подумала я. – На переводах, которые, кстати, не столь уж регулярны, я зарабатываю в пять раз меньше, а репетиторство начинает меня утомлять. И потом, эта работа хоть отчасти будет похожа на ту, к которой я готовилась столько лет...»

– Давайте попробуем недельку, – предложила я. – А там видно будет.

– График, конечно, плотный, – вздохнул Сидорчук, – но, как я понимаю, вы не очень-то связаны социально. И в личной жизни тоже...

– Это вам небось дорогие соседки порассказали? – скривилась я.

– А как же, – развел руками Сидорчук. – У бабулек традиционный дефицит общения, вот и рады побазарить с первым встречным. Да вы, чай, и сами знаете. Учили небось контакты-то налаживать?

– Разумеется, – сухо сказала я. – Можете считать, что я согласна. Кстати, вы не забыли, что через минуту нас ждет Симбирцев?

Пока мы шли по узкому коридору из гостевой комнаты к кабинету, из-за стены слева слышались звуки радио. Какая-то местная коротковолновка передавала песню с последнего альбома «Битлз».

И с первыми же тактами музыки снова нахлынули воспоминания детства.

За те шесть шагов, которые мы с Сидорчуком прошли до двери босса, я успела вспомнить столько, что хватило бы на целый роман.

Говорят, что так много человек может вспомнить перед смертью. Могу на собственном опыте это подтвердить. Несмотря на то, что я до сих пор жива, тогда, в 1995-м, черный ангел смерти коснулся меня своим крылом, и я с тех пор кое-что знаю об этом.

* * *

– ...Не может быть! – всплескивала руками мама. – Нет, вы только послушайте!

Это восклицание обращалось отнюдь не к заезженной пластинке с идиотской надписью «Вокально-инструментальный ансамбль», которая только что остановила свое кружение на резиновом диске проигрывателя.

Мама имела в виду меня, а ее слова были обращены к немногочисленным гостям, восседающим за праздничным столом. К тому времени уже было покончено с десертом и все присутствующие были настолько благодущны, что уделили толику своего внимания маленькой девочке, ковырявшей носком тапочки край ковра.

Я немного волновалась, хотя и знала, что память меня не подведет.

Впрочем, называть «это» памятью было несколько неверно. Скорее это было нечто непонятное, но безотказное, вроде невидимого магнитофона в голове, с которого я «считывала» слова.

Я исполнила гостям «Let it be» и еще несколько битловских песен с этой самой безымянной пластинки, по неведомым мне до сих пор причинам скрывавшей название знаменитого квартета.

Гости дружно нахваливали «способную к языкам девочку», и только тетя Аня – соседка из квартиры напротив, скептически скривила губы.

– Хм, подумаешь! – произнесла она, нервно передернув плечами. – Если по сто раз слушать одно и то же, немудрено запомнить.

– Тетя Аня, а вы принесите какую-нибудь пластинку на иностранном языке, и я все равно ее повторю, – честно предложила я.

Мама обомлела. Она не ожидала с моей стороны такой самонадеянности.

И соседка не преминула воспользоваться такой возможностью. Она быстро сбегала к себе и вернулась с большим диском Мирей Матье – французский язык тетя Аня худо-бедно знала.

Мама смущенно смолкла, ожидая моего неминуемого посрамления.

Однако я была довольно спокойна. Те песенки, которые изредка передавались по советскому телевидению в «Мелодиях и ритмах зарубежной эстрады» – поздно вечером и в «Утренней почте» – по субботам, я слегка помнила, но сейчас велела себе настроиться на мгновенное воспроизведение после первого же прослушивания.

Опыт завершился удачно. Первая, затем вторая песня первой стороны, песня, выбранная с оборота диска наугад (тетя Аня была уверена, что я ее обманываю и слышу эти мелодии не в первый раз), были воспроизведены мной довольно близко к тексту.

Даже тетя Аня вынуждена была признать себя побежденной, к вящей радости моей мамы. Я думаю, что уже тогда она ревновала соседку к отцу, и, как оказалось впоследствии, не без оснований.

Кстати, именно эта моя способность запоминать с ходу текст на незнакомом мне языке и сыграла весьма значительную роль в моей биографии.

На следующий день после пирушки меня подозвал к себе отец.

– Посмотри-ка сюда, – сказал он, указывая рукой на стол. Там были разбросаны несколько предметов. – А теперь...

И папа быстрым движением развернул меня лицом к стене с обоями в мелкий цветочек.

– ...А теперь перечисли-ка мне, что ты сейчас увидела, – предложил отец.

– Ну, оторванную пуговицу с гербом, твою старую трубку с ершиком слева... Папа, он такой весь ободраный, может быть, купишь новый...

– Не отвлекайся.

– Кругленькую пробку от бутылки, слегка погнутую на краях, скальпель, блокнот, ручку и твои часы с открытой крышкой.

– Ага, – удовлетворенно сказал отец, – смотри-ка, угадала.

– И вовсе я ничего не угадывала, я просто увидела все сразу, – уточнила я. – Кстати, колпачок от твоей ручки лежит у тебя под блокнотом, и у нее из-за этого чернила высыхают.

– Так, выходит, ты специально не запоминала? – удивился отец.

– Не-а, – честно ответила я. – А что, разве нужно было?

Наши опыты на внимание и логику продолжались и в дальнейшем.

Это были либо упражнения на быстроту и сообразительность, либо, большей частью, разнообразные головоломные задачи – из еще не переведенной в то время книги Льюиса Кэрролла «Логическая игра». Отец раскрывал растрепанное макмиллановское издание 1887 года и, шевеля губами, переводил мне прямо с листа.

Мне до сих пор иногда снится обезьяна, которая карабкается по перекинутому через блок канату, на другом конце которого подвешен груз, равный по весу обезьяне. Впрочем, собственными силами я тоже научилась управлять, но это пришло гораздо позже...

* * *

У двери Симбирцева Сидорчук остановился, одернул свой салатный пиджак и, быстро вдохнув и выдохнув, осторожно постучал.

– Жду-жду! – донеслось из-за панели. – Новенькую с собой захватывай!

– Уже, Леонид Борисыч! – бодро отозвался Сидорчук, приоткрывая дверь.

– Ну так и давай ее сюда, – весело предложил Симбирцев, – мы перекинемся парой слов – и на инструктаж. Через час мне на трассу, так что...

– Все понял, – кивнул Сидорчук, – мы непременно уложимся.

– Вот и славно, – произнес приподнимающийся из-за стола Симбирцев.

Шагнув нам навстречу, он протянул мне руку и представился:

– Эл Бэ. Леонид Борисович то есть. – Рука была мягкой и слегка влажной.

– Е Эм, – ответила я на рукопожатие. – Можно просто Женя.

Сидорчук удостоверился, что диалог начался, и незаметно выскользнул из кабинета.

– Так вы, значит, будете меня пасти, – Симбирцев придиричиво оглядел мою фигуру. – Наша служба безопасности чудит, по-моему. Хотя, как знать... Костюмчик вам уже подобрали?

– Забота о моем гардеробе – это очень трогательно, – улыбнулась я. – Но костюмчик я смогу подобрать себе и сама. Впрочем, если вас это так заботит, мы можем сделать это и вместе.

– О! – довольно воскликнул Симбирцев. – Вы начинаете мне нравиться.

Мой новый босс помолчал секунду, ожидая, очевидно, что я тоже скажу что-нибудь вежливое о взаимной симпатии. Но не дождался.

Какая уж тут симпатия!..

* * *

«Работа, девочки, есть работа, – помнится, вдалбливал нашей группе майор Смирницкий, яростно пощипывая седые клочки волос на висках, – и вы должны сделать все, что от вас потребуется. Ваши эмоции и желания при этом в расчет не берутся».

Эмоции! Бессмысленное детское словечко, как я сейчас понимаю.

Эмоции – это когда плачешь, смотря в кино мелодраму, или смеешься, когда демонстрируют кинокомедию. Ну, еще всякие «чувства добрые» и так называемые «отрицательные эмоции».

А майор имел в виду нечто совершенно другое. Ну, например, когда ты идешь в кровать с человеком, которого в первый раз увидела десять минут назад, и ровным счетом никаких чувств к нему не испытываешь.

Да-да, было и такое, с позволения сказать, «учебное задание».

Двадцать курсантов из параллельной, очевидно, организации были выделены специально на проведение упражнения по секс-тренингу.

Нас тогда напичкали за ужином какой-то одуряющей дрянью, сохранявшей сознание, но подавлявшей волю, чтобы на первый раз курсант не выкобенивался, а учился покорно выполнять приказы. Впоследствии подобные «упражнения» вошли в систему и проводились еженедельно.

А в первый раз партнеров выбирал компьютер, которому было безразлично, нравятся парень с девушкой друг другу или нет.

Мне в тот раз попался прыщавый коротышка с шестью пальцами на левой ноге.

И ничего, получила восьмерку по десятибалльной шкале. А ведь кое-кого и отчислили.

Особенно большой отсев был после однополого секс-тренинга. Но и это испытание я выдержала на отличную оценку. Подробности опускаю, отмечу лишь, что моей партнерше было далеко за шестьдесят.

Можно ли назвать эмоциями то отвращение, с которым тебе приходится есть пищу, которую ты ненавидишь с детства? Выполнять idiotские упражнения типа распутывания мотка тонких ниток, испачканных к тому же в собачьих испражнениях? Или отчищать до блеска старые ржавые консервные банки? Никогда не пробовали?

И каждый раз, уже ближе к завершению «задания», я ловила себя на необычном ощущении. Я понимала, что начинаю испытывать какое-то странное чувство просветления, безграничной свободы.

Теперь-то мне уже понятно, что это были упражнения не только на воспитание силы воли и терпеливости, но и тест на покорность – когда не надо задавать никаких вопросов, а только выполнять приказания, причем выполнять их как можно лучше...

* * *

Я обнадеживающе улыбнулась Симбирцеву, мой новый босс махнул мне рукой и тут же углубился в бумаги, велел Сидорчуку отвести меня на инструктаж.

Впечатление от беседы с инструктором по безопасности было самое удручающее. Если у крупных фирм с солидной «крышей» такое понятие об охране, то мне непонятно, почему их директора до сих пор топчут нашу грешную землю, а не корпят над строгим отчетом о своих грехах и добрых делах в небесной канцелярии.

Впрочем, чему тут удивляться? Мне читал краткую лекцию обычный человек, судя по виду – из бывших милиционеров, который когда-то почитал специальную литературу, вспом-

нил, чему его там учили на эмвэдэшных курсах, и решил, что ничего нового изобрести уже нельзя.

А ведь даже крупный кремлевский чин, на некоторое время оставшийся не у дел и возглавивший крупное охранное бюро, так инструктировал своих подчиненных: «Ваша жизнь, ребята, мне дороже жизни наших клиентов. Поэтому, когда начинается стрельба, быстренько падайте на землю...» Самое смешное, что этот чиновник не постеснялся изложить данный эпизод в своей книге.

Какой-никакой опыт у парней из «Налима», конечно же, имелся. Но установки, которые я получала, мы проходили в отряде «Сигма» еще в первый месяц обучения. А я, слава Богу, провела три года в непрерывном режиме обучения, постоянно подкрепляемом практикой.

Я внимательно прочитала и подписала чересчур, на мой взгляд, краткий договор, формулирующий специфику моих отношений с принимающей меня на работу стороной, и мне было велено вернуться в кабинет Симбирцева и подготовиться для сопровождения босса.

Последним штрихом во всей этой бодяге была моя встреча с визажистом-имиджмейкером.

Пэтэушного вида девчонка, судя по всему, только-только закончившая платные краткосрочные курсы, решила, что она знает, как я должна выглядеть.

– Волосы укоротить, а юбку удлинить, – предложила она, пощелкивая ножничками возле моего виска. – А глаза можно оставить как есть.

– Черта с два укоротить, – огрызнулась я. – Насчет юбки я как-нибудь разберусь, а вот глаза нужно подогнать под губы.

И я быстро перечислила ей необходимые ингредиенты, которые визажистка должна была приобрести за счет фирмы для того, чтобы чуть-чуть приукрасить мою внешность. Вернее, подчеркнуть ее естественную красоту. Впрочем, у меня был и некоторый дальний прицел...

– Но это же стоит больше семисот долларов! – искренне возмутилась девчушка. – Такие расходы! Я должна согласовать...

– А мне-то что?! – повела я плечом. – И захватите каталог из итальянского бутика.

– Это еще зачем?

– Мне понадобятся часа через полтора три костюма плюс отдельно два пиджака и четыре блузки. Пяток колготок и немного обуви, две или три пары, – спокойно пояснила я. – И поторопитесь, потому что, если мне не подойдет то, что вы привезете, придется ехать за заменой. Так что не забудьте чек.

– Но зачем вам сразу так много? – пыталась выяснить визажистка.

– Вы считаете, что это много? На первое время хватит, – успокоила я ее.

Через сорок минут, почти наугад выбрав из присланных пакетов бежевый костюм и туфли на шпильках, я быстро навела макияж и отправилась к боссу.

– Э-э... вы ко мне по какому вопросу? – недоуменно спросил нахмурившийся господин Симбирцев, когда я вошла в его кабинет.

При этом Леонид Борисович опасливо поглядывал по сторонам и, казалось, уже готов был нажать кнопку срочного вызова охраны.

– Сугубо по рабочему вопросу, дорогой Леонид Борисович, – скромно улыбнулась я. – Какой у нас с вами сегодня график?

Босс обомлел.

– Так это вы? – пролепетал он, приятно удивленный, и начал что-то мямлить про то, что, мол, если не узнал, то богатой будете.

– С вашей, надеюсь, помощью, – уточнила я, и босс рассмеялся.

Мужчины, надо признать, не очень-то разбираются в способах изменения внешности.

Максимум, на что способны все без исключения мужчины, – это ролевые игры и элементарная мимика в зависимости от ситуации: в одном случае жене надо улыбнуться, в другом

выглядеть как можно строже; с начальством быть услужливым, но без лести, подчас настойчивым и полезным. Вот и все, на этом их мимикрия исчерпывается. Причем эти нехитрые операции они проделывают чисто инстинктивно и костюм, как правило, не меняют.

Так что тот огромный пласт «системы хамелеона», которую я тщательным образом изучала под руководством опытейшего в этом деле полковника Анисимова, для «сильного пола» как бы не существует.

Поэтому стоит знакомому человеку резко сменить то, что сейчас называется словечком «имидж», как столь же резко меняется его восприятие.

Вспомните хотя бы чудесное преображение Алисы Фрейдлих в советской кинокомедии «Служебный роман». Или поговорку насчет одежды и ума, да прибавьте к гардеробу достижения современной косметики.

В общем, босс тарасился на меня всю дорогу, пока мы проезжали по городским и пригородным магистралям в его длинном, словно крокодил, лимузине.

Нас сопровождала собственно охрана – секьюрити первого уровня, так сказать.

В разработках службы безопасности моя работа именовалась «вторым уровнем».

Надо сказать, что отношения этих двух уровней сразу же стали складываться отчасти натянуто – и не по моей, разумеется, вине.

И ребят вполне можно понять – одно дело охранять начальство, чьи привычки и причуды тебе хорошо, слишком хорошо известны. Совсем другое дело, когда рядом с ним появляется длинноногое существо в мини-юбке, которое следует за своим шефом неотлучно.

На месте охраны, которая стала теперь именоваться «первым уровнем», я потребовала бы как минимум повышения оклада в полтора раза.

Бодигарды старались держаться подчеркнута вежливо и корректно-отстраненно, но это выглядело еще более оскорбительным.

Впрочем, вскоре им представился случай изменить свое мнение на мой счет...

ГЛАВА 2

Утопая в мягком кожаном сиденье, Леонид Борисович Симбирцев таращился на меня, не скрывая интереса. Он даже попытался сделать что-то вроде комплимента насчет вкуса и умения выгодно подчеркнуть и без того привлекательную внешность.

Было похоже, что подобные фразы моему новому боссу приходилось проговаривать не так уж часто, поэтому Леонид Борисович сник уже на середине и ограничился тем, что облизнул губы.

Как видно, я представлялась господину Симбирцеву чем-то вроде нового одушевленного предмета с приятным экстерьером, который может совместить приятное с полезным – и охранять тело начальства, и улаживать его в свободное от основной работы время.

– Вы, наверное, были в детстве очень красивым ребенком, – сказал он после некоторого молчания. – Меня вот природа с родителями не одарили хоть сколько-нибудь привлекательной внешностью, и в детском саду девчонки из старшей группы дразнили меня Страшилой.

– Но вы ведь не мечтали стать фотомodelью, – усмехнулась я. – А Страшила, как известно, достиг высот известных и стал именоваться Страшила Мудрый. Так что со временем все уравновесилось.

Симбирцев поглядел на меня с одобрением. Казалось, он с удовлетворением отметил для себя, что эта «телка», как обычно выражаются (или хотя бы думают) такого рода мужчины, не только умудряется выгодно себя преподнести, но и в черепной коробке у нее кое-что имеется.

– Мне Сидорчук сказал, что у вас какая-то сногшибательная биография, – сказал босс. – Прямо Никитá какая-то. Видели такое кино?

Я молча кивнула.

– Расскажите как-нибудь?

Этот вопрос, вернее интонацию, с которой он был задан, можно было трактовать совершенно недвусмысленно. И я спокойно ответила:

– Мой рабочий день заканчивается в двадцать ноль-ноль, как вам известно.

– Значит, ужинаем у меня, – подытожил господин Симбирцев.

Машина припарковалась у здания областной думы. По обе стороны клацнули дверцы, распахнутые охранниками, и мы с шефом вылезли из авто.

– Так было в последний раз, – тихо сказала я бодигарду, который выпустил меня из лимузина. – На будущее запомните: мы выходим вместе с одной стороны, сначала я, потом босс.

Охранник натужно улыбнулся и согласно кивнул, хотя было видно, что этот верзила ни в грош не ставит мои нотации и не прочь съездить меня по зубам.

Местная законодательная власть обитала в длинном двухэтажном строении, фасад которого был «украшен» столь узкими окнами, что можно было принять их за бойницы какой-нибудь современной крепости.

Впрочем, насколько мне было известно по рассказам тетушки, данная ветвь на прочном дереве власти была скорее декоративной и конфликт между областной администрацией и думой в этой области мог разве что присниться в кошмарном сне какому-нибудь политику.

С пропусками возникла небольшая заминка. Мы с Леонидом Борисовичем минут десять простояли в холле, пока мрачный дежурный прозванивал по телефону депутата и медленно заполнял бланки.

– Это раньше, в начале девяностых, тут мог каждый гулять, как ему вздумается. Один мой знакомый даже использовал здание облдумы в качестве единственного в этих краях бесплатного туалета, – сказал переминающийся на каблуках Симбирцев.

Когда нам вручили пропуска, мы поднялись по главной лестнице на второй этаж и прошли по трижды заворачивающемуся налево коридору в кабинет с табличкой, на которой значилась фамилия Бурденко А. Н.

– Вот и наш демократ, – обернувшись ко мне, произнес шеф, нажимая на ручку двери. – Только ничему не удивляйтесь...

Симбирцев вошел без стука. Леонида Борисовича ожидали.

Из-за стола поднялся грузный мужчина лет сорока. Он был одет в очень дорогой костюм с перламутровыми пуговицами. Когда Бурденко протягивал руку Симбирцеву, я заметила бриллиантовые запонки, а на его запястье массивный золотой браслет.

– Тютелька в тютельку, – кивнул хозяин кабинета в сторону напольных старинных часов с потемневшими от времени пастушками на корпусе.

Часы с хрипом сыграли какую-то заунывную мелодию, имитируя клавишин.

– Четыре косых твердыми, – с удовольствием сказал Бурденко, поглаживая тронутый прозеленью металл. – Сначала хотел почистить, но потом решил: пусть так остается. Сразу видно, что ценное старье.

Кабинет депутата был под стать его хозяину, такой же массивный и такой же неуклюжий. Громоздкий стол из черного бука с толстыми витыми ножками занимал половину пространства комнаты, а кресла с изогнутыми спинками и красными бархатными сиденьями, казалось, были контрабандой вывезены из какого-нибудь королевского дворца.

В довершение интерьера в углу справа от входа висела потемневшая икона четырнадцатого века с окладом, позолоты которого хватило бы на целый иконостас в кафедральном городском соборе.

Судя по развешанным на стенах цветным портретам, господин Бурденко принадлежал к депутатам демократической ориентации.

Неизменный президент с лицом строгого и вдохновенного дедушки, расположенный на стене за письменным столом хозяина кабинета, упирался своим взглядом на посетителя сразу с порога, как бы спрашивая у него: «А ты, понимаешь, поддерживаешь реформы?»

Слева красовался новенький премьер с автографом в правом нижнем углу, справа – академик Сахаров, впрочем, без автографа.

Присмотревшись, можно было заметить Гайдара, засунутого между шкафом и тумбочкой.

– А кто это с тобой сегодня? – наконец заметил меня Бурденко.

– Мой новый референт, – коротко пояснил Симбирцев, не без удовольствия глядя на приятно удивленного депутата. – Познакомьтесь, пожалуйста.

– Андрей... Николаевич, – глаза Бурденко сразу стали какими-то масляными.

– Евгения Максимовна, – пожал я его руку. Депутат попытался задержать мою ладонь в своей чуть дольше, чем положено при первом знакомстве.

– Значит, Женя, – проговорил Бурденко, когда я освободилась от его пожатия.

* * *

В детстве меня слегка коробило мое имя – Женя. Не то мужское, не то женское.

Если учесть, что у меня была приятельница Саша и мы обе были похожи на мальчишек – короткая стрижка, штанишки, и по повадкам – бойкие, подвижные, бесстрашные, – то неудивительно, что мой пол для окружающих был как бы под вопросом.

Однажды наша с Сашей прогулка закончилась грандиозным скандалом. В тот теплый летний денек мы с подружкой бесцельно слонялись по городу и облюбовали для игр один из дворики.

Углубляясь все дальше и дальше, мы перемахнули через забор и оказались на зеленом лугу, заставленном какими-то непонятными предметами.

Здесь были шалаши, палатки, длинные змеящиеся окопы, строения неизвестного нам назначения – короче, идеальное место для игры. Как позже выяснилось, мы проникли на территорию хозяйственного блока в расположении одной из секретных воинских частей.

Сначала на нас не обратили никакого внимания, но когда я «расстреливала» Сашу из изрядно проржавевшей гаубицы – стояла там какая-то развалюха еще со второй мировой, – поднялась настоящая паника.

На нашу беду, как раз в это время приехал важный московский начальник с инспекцией.

Нас, понятно, это ни капельки не волновало, и мы с Сашей, одурев от азарта, как две бешеные собаки носились по двору, то прячась за сарай, то прыгая по крышам гаражей, то забираясь в такие укромные уголки, где нас не сразу могли обнаружить.

Разъяренный полковник Генштаба стоял посреди огромного плаца и что есть мочи орал на местных вояк, требуя немедленно изловить мальчишек.

На нашу поимку были брошены два взвода. Надо сказать, что с этой задачей они справились за полчаса, но нервы мы им изрядно потрепали.

Уже потом, когда двое солдат вели нас к начальству, стиснув за хрупкие плечи железной хваткой, Саша расплакалась. Я, наоборот, сохраняла спокойствие, зная, что все обойдется.

Впрочем, сильных переживаний хватало не только у нас с Сашей.

Когда нас привели перед ясные очи столичного гостя, то я подумала, что полковника хватит инфаркт. Когда он узнал, что вся часть гонялась за двумя девчонками, то покраснел, как переспелый помидор, и долго хватал ртом воздух – наверное, пытался найти нужные слова.

Потом инспектор выяснил, что я – дочь генерала Охотникова, и слегка поостыл. Мой отец пользовался большим влиянием не только в Приморском крае, и устраивать скандал полковник не решился.

Не без труда был найден приемлемый выход из создавшейся ситуации.

Поскольку график инспекционного визита по нашей с Сашей милости полетел к чертям, решено было представить все случившееся как внеплановые учения по отражению нападения вероятного противника.

Нас с Сашей записали как «вражеских десантников», канцелярия задним числом разработала план военной игры, которая только что имела место, начальник части получил, кроме выговора, еще и благодарность за внедрение новой практической методики, так что две эти бумаги как бы аннулировали друг друга.

И, наконец, когда ординарец к вечеру доставил меня домой, отец сначала долго хмурился, потом долго смеялся и наконец, отловив по телефону инспектора, пригласил полковника к себе в гости. Дома был устроен настоящий банкет, и на этом инцидент был исчерпан.

* * *

– ...Эх и везет же тебе по жизни на баб, Ленчик, – покачал головой Бурденко. – Да такого референта хоть сейчас на подиум нижее белье рекламировать. Верно я говорю, Женька?

Несмотря на то, что депутат искренне восхищался моей внешностью, я, как существо разумное, в рассмотрение не принималась.

В его глазах я была всего лишь дополнением к богатству Симбирцева, которое можно демонстрировать знакомым наподобие старинных часов в кабинете депутата или нового автомобиля.

– Так что там насчет наших дел? – решил перейти к делу мой босс, видя, что депутат слишком долго рассматривает мои ноги.

– Дел?

Бурденко с неохотой оторвался от созерцания моих коленок.

– Ну, я думаю, что пропрет. По телеку ролик запустим, акцию в поддержку проведем. С друзьями я посоветовался, они в целом твою кандидатуру одобряют. Пацанов опять же подключим. Побегают, пошустрят. Постараемся, чтобы с первого раза. Сто процентов гарантии дать, конечно, не могу. Но девяносто девять обещаю.

И он весело рассмеялся своей же шутке. Босс вежливо улыбнулся и спросил:

– А конкуренты?

– Кто? – искренне удивился Бурденко. – Эти, что ли, с красными знаменами? Или алкоголики из патриотов? Ты что, серьезно, что ли?

– Ну, ведь они тоже будут баллотироваться, – с натугой пояснил Симбирцев.

– Ну и что? – пожал плечами депутат. – Они тебе не конкуренты.

– Но...

Бурденко оборвал его и медленно проговорил, словно терпеливый учитель, который в десятый раз объясняет простейшую теорему туповатому ученику:

– Твои конкуренты – восемь человек из списка, который ходит сам знаешь где. Один человек из этого списка и пойдет на выборы на освободившееся место в облдуме. И тогда у него не будет никаких конкурентов. А пока что идет отбор. И, еще раз повторяю, солидные люди склоняются к мысли, что ты – самый подходящий. Так что, Ленька, можешь не волноваться.

Симбирцев чуть склонил голову, давая понять, что он благодарен, но было заметно, что босс слегка раздражен и хотел бы чуть более уважительного и серьезного отношения к своей персоне.

– Андрей Николаевич, – сказал Симбирцев, мельком посмотрев на часы, – нам с Женей пора дальше на трассу. Давай обсудим детали и все такое за обедом. Приезжай ко мне с супругой завтра к двум.

Бурденко склонился к столу и сделал пометку в толстом блокноте.

– На дачу?

– Ага, – кивнул Симбирцев. – Ты ведь знаешь, как ко мне проехать.

– Еще бы, – непроизвольно хохотнул Бурденко и подмигнул боссу.

Похоже, дача моего шефа иногда использовалась как место проведения досуга. В сугубо мужском понимании этого словосочетания.

– Надеюсь завтра вас снова увидеть, – кивнул мне на прощание депутат и повернулся к Симбирцеву. – Женю берешь обедать?

– А как же! – воскликнул босс, и мы вышли в коридор.

Симбирцев шел быстро, слегка подпрыгивая на ходу. После встречи, которая, судя по тому, что я поняла, прошла успешно, шеф выглядел помолодевшим.

– Бандюга страшный, – тихо говорил мне на ухо Симбирцев, пока мы спускались по центральной лестнице. – Еще восемь лет назад сам по комкам ездил дань собирать. Потом на цветные металлы перешел. Как его до сих пор не пришили, не понимаю. Впрочем, теперь уже поздно. Законодательная власть как-никак...

Скучающая охрана господина Симбирцева сидела за столиком спиной к центральной лестнице и листала толстый иллюстрированный журнал по туризму.

Дав знак боссу не привлекать к нам внимания, я тихо подошла к бодигардам и, остановившись сбоку, одним движением выхватила у того парня, что сидел ближе ко мне, пистолет из кобуры под мышкой – он как раз перелистывал страницу, и пиджак чуть распахнулся.

– Бах, – весело сказала я, направив ствол на его партнера. – А тебя во вторую очередь, поскольку ты уже безоружный.

И, переведя дуло на взбешенного охранника, я прищелкнула языком.

– Раз вы не можете обеспечить свою безопасность, – сказала я, возвращая пистолет, – то, ребята, как можно говорить о его безопасности?

Симбирцев уставился на мой указательный палец, упершийся ему в грудь, и изучал форму моего ногтя секунду-другую. Потом Леонид Борисович аккуратно отвел мою руку, как бы неприятно пораженный такой фамильярностью, и предложил всем вернуться в машину.

В автомобиле конфликтная ситуация не обсуждалась. Симбирцев молча глазел в окно, поджав губы и не глядя в мою сторону.

Я поняла, что он очень недоволен – и тем, что его парни сплеховали, и тем, что я их на этом поймала. Наверное, еще ему было крайне неприятно, что я проделала весь этот спектакль в присутствии посторонних – в холле облдумы, как всегда, толпился народ.

И когда наш автомобиль плавно затормозил возле громады шестнадцатиэтажного НИИ, Леонид Борисович не торопился выходить из машины, а подождал, пока охранники сначала выпустят меня.

– Нет-нет, – остановила я босса, когда он протянул руку к кнопке лифта.

Я быстро кивнула одному из охранников, предлагая ему проделать эту нехитрую операцию, сама встала перед Симбирцевым, установив второго бодигарда сбоку от раздвигающихся створок.

Когда кабина прибыла на этаж и из просторного лифта посыпала толпа, я сделала знак своим спутникам не продвигаться вперед до тех пор, пока кабина не освободится. Затем мы прошли внутрь по очереди – первый охранник, я и Симбирцев, второй охранник.

Пока мы ехали, я снова поменялась с боссом местами, чтобы выйти раньше его.

Леонид Борисович долго крепился, но все же не выдержал и взорвался:

– Знаете что, милочка моя, наш Сидорчук со своими аналитиками явно переборщил. Усилия, которые вы предпринимаете, в наших условиях, мягко говоря, выглядят смешно. Понимаете, смешно!

– Неужели вас беспокоит, как на вас будут смотреть окружающие, Леонид Борисович? – осторожно осведомилась я, не желая вдаваться в дискуссию.

– Я сотни раз ходил по этим коридорам, поднимался на лифтах и заходил в офисы, – продолжал нудеть Симбирцев. – Ладно бы вы вели себя так на открытых пространствах или, скажем, где-нибудь в опасной обстановке... Но тут! Где меня каждая собака знает! Можно подумать, что я какая-нибудь Мадонна, за которой охотится маньяк! Вы еще под кровать ко мне залезьте!

Леонид Борисович оттолкнул меня локтем и выдвинулся к самой двери.

С шипением створки распахнулись, и в этот момент в кабину ворвалось что-то вихреобразное. Никто не успел ничего предпринять, все произошло за считанные секунды. Я не знаю, как мне удалось рвануться вперед, наверное, я инстинктивно прыгнула и подмяла под себя босса, прикрыв его своим телом. Через мгновение я услышала возле своего уха громкое сопение, и мне на шею капнула слюна.

– Собака... – то ли ругнулась я, то ли констатировала факт.

Это действительно оказалась собака. Огромных размеров ризеншнауцер уже выбежал из лифта и скакал по коридору, не реагируя на вопли спешащей к нему хозяйки с поводком в вздетой руке.

Один из охранников осмелился даже рассмеяться, демонстрируя, что я из-за своего усердия попала-таки в дурацкое положение.

Но Леониду Борисовичу было не до шуток. Его костюм был помят и запылен, к воротнику прилипла кудрявая собачья шерсть – псина все же прогулялась лапами по спине моего босса.

– Лбы! – прошипел он зловеще. – Стоят тут как столбы, понимаешь! Бабе приходится хозяина грудями прикрывать! Еще раз такое повторится – уволю к чертовой матери. Телохранители, мать вашу...

– Чтобы такое не повторилось, Леонид Борисович, – спокойно сказала я, поправляя юбку, – вы должны слушаться моих указаний. Ведь это могла быть не собака, а киллер, не так

ли? И потом, ведь самая привычная обстановка – идеальное место для убийства, так как объект не настороже и думает, что сегодня повторится то же, что было позавчера, вчера и много дней назад. Тот же путь, те же стены. Все и повторяется. Но с одной поправкой. На одном из поворотов ему в лоб впивается пуля.

Леонид Борисович явно хотел что-то возразить. Симбирцев был достаточно раздражен и готов был выплеснуть свой гнев на любого, независимо от того, виноват он или нет. Но мои слова его привели в чувство. Мне даже показалось, что слова про привычную обстановку подействовали на него странным образом, как будто босс что-то понял и неприятно поразился моей догадливости.

– Знаете, а ведь вы правы, – тихо произнес он. – Хотя, кто знает...

– Впрочем, если вы считаете, что дополнительная охрана для вас является излишней, то сообщите об этом Сидорчуку, – добавила я. – Покамест же я не получала инструкций, освобождающих меня от работы.

– Хорошо, – вынужден был согласиться Симбирцев. Обращаясь к охране, он скупно произнес: – Слушаться моего референта. Выполнять беспрекословно. Учитесь, пока есть возможность...

Между тем к нам уже приближалась хозяйка непослушной псины.

– Ленечка! – всплеснула руками высокая полная женщина. – Принц тебя напугал! Я так виновата! Но ты же знаешь, он никого не слушается!

– Так пристрелите его, – процедил сквозь зубы Симбирцев.

Женщина расхохоталась.

– Да я скорее тебя пристрелю или мужа, чем Принца, – проговорила она, продолжая улыбаться. – Кстати, ты сейчас к Серому?

– Да, мы договорились с твоим благоверным встретиться через... – Симбирцев сверился с часами. – Ого, уже три минуты назад. Все, я спешу, Лизочка. Приезжайте с мужем ко мне завтра обедать. В два на даче!

Эти слова он уже бросил через плечо на ходу, устремившись по длинному коридору к дальней двери. Охрана едва за ним попевала, а я старалась, чтобы босс не наступил мне на пятки.

Однако я успела оглянуться и заметила, что женщина, которую босс пригласил к себе на завтрашний обед, прекратила погоню за собакой и остановилась у лифта, пристально глядя нам вслед. Но, заметив мой взгляд, эта самая Лизочка тотчас же снова засуетилась и стала кликать собаку, угрожая ризеншнауцеру поводком.

Коридор был совершенно пустым, и я насчитала только две двери на шестьдесят шагов. Вторая, расположенная в самом конце, была чуть приоткрыта.

– Сергей Алексеевич? – остановившись у порога, произнес в щель Симбирцев.

– Заходи, дорогой, – раздался из глубины низкий голос, чересчур округло выговаривающий «о», как это делают северяне.

Охрана осталась в коридоре, а мы с Леонидом Борисовичем прошли в кабинет.

Нас встретил сутулый пожилой мужчина, который как бы нехотя протянул руку боссу и ограничился легким кивком в мою сторону.

Мне этот человек показался очень неприятным на вид, и первое впечатление от встречи было самым отталкивающим. Может быть, это произошло потому, что хозяин кабинета немного походил на моего отца...

* * *

Память об отце еще свербила. Я никак не могла совместить два образа, жившие в моей душе, – доброго папы и мерзкого предателя.

Единственное, что совпадало в этих двух ипостасях, столько лет подряд ведущих в моей душе сражение не на жизнь, а на смерть, – это лицо. То доброе и любящее, знакомое до каждой морщинки в уголках глаз, то искаженное в злобной гримасе. Впрочем, таким я видела его только один раз – в нашу последнюю встречу.

А до той поры моя жизнь протекала вполне безоблачно. Высокий чин отца обеспечивал нашей семье спокойную и состоятельную жизнь. Родители меня баловали, и я не помню, чтобы хоть раз на мою просьбу ответили отказом. Количество кукол в моей спальне исчислялось десятками, каждое воскресенье я получала в подарок какую-нибудь обновку, а уж о сладостях и говорить не приходится.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.